

государство могут думать различно. Если, например, Церковь будет вести борьбу съ атеистической пропагандой государства, будетъ ли это съ ей стороны актъ лояльный или нелояльный?

Признавая обязательность лояльности для Церкви (если, конечно, она принимаетъ тѣ права, которыя ей предоставляетъ государство), нужно однако помнить, что должна существовать граница между лояльнымъ отношеніемъ къ государству и идейною съ нимъ солидарностью. Последняя возможна лишь при условіи одинаковости идеологии Церкви и государства. Между Русскою Церковью и совѣтскимъ государствомъ такой одинаковости не только не существуетъ, но существуетъ прямая противоположность атеистической, антихристіанской и матеріалистической идеологии совѣтскаго государства и христіанской, религіозной, молитвенной идеологии Церкви, какъ это и было тогда точно отмѣчено въ посланіи Соловецкихъ епископовъ. Поэтому, въ Россіи между Церковью и государствомъ могутъ существовать тѣ или иные официальныя соглашенія, но не можетъ быть никакого внут-

ренняго единства, до тѣхъ поръ, пока не измѣнится идеологія государства, пока оно не обратится ко Христу.

Только покаяніе и, конечно, покаяніе обоюдное — можетъ стать основой общаго примиренія и началомъ новой жизни въ Россіи, а пока нѣтъ покаянія, никакія попытки примиренчества, искусственной солидарности, никакіе конкордаты съ совѣтской властью не обезпечатъ православной Церкви въ Россіи ни безопасность, ни мирнаго теченія церковныхъ дѣлъ.

Движеніе должно это помнить, и не ожидать отъ свершающихся въ Россіи событий чего-либо большаго, чѣмъ то, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Передъ Движеніемъ, какъ передъ Русскою Церковью, попрежнему остается одинъ путь, — путь мужественнаго исповѣдничества своей вѣры и неустанной борьбы съ проповѣдью атеизма и антихристіанства.

Братислава.
15-28. X. 1927.

Протоіерей
СЕРГІЙ Четвериковъ

Новые герои совѣтской литературы.

Артель Писателей «Кругъ» въ 1927 году въ Москвѣ выпустила повѣсть Сергѣя Заяицкаго «Баклажаны». Содержаніе, ея не сложно Москвичъ, художникъ С. А. Котеневъ попадаетъ въ Полтавскую губернію на лѣто къ своей тетушкѣ въ городѣ Баклажаны. Онъ не выдерживаетъ своеобразія жизни глухой провинціи и послѣ нѣсколькихъ романтическихъ приключеній возвращается въ Москву. Но эта нехитрая повѣсть интересна своими красочными описаніями совѣтской Полтавины. Она пріоткрываетъ на мгновеніе покровъ надъ современнымъ русскимъ бытомъ, который обычно такъ тщательно закрываетъ отъ постороннихъ взоровъ официальная коммунистической прессы. Прежде всего о самомъ героѣ. Онъ — давно знакомый намъ всѣмъ, вырождающийся русскій интеллигентъ начала 20-го вѣка, безвольный, безпринципный, чувственный. Служившій на войнѣ въ земгусарахъ, въ началѣ революціи, щеголявшій перстнемъ съ

двуглавымъ орломъ и потомъ примирившійся съ совѣтской властью послѣ полученія перваго пайка. Теперь онъ официальный художникъ, получающій гонораръ въ совѣтскихъ газетахъ. Отношеніе же его къ совѣтской власти авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

«Разумѣется, великое значеніе революціи — и именно (да, да), Октябрьской революціи — Степанъ Андреевичъ сознавалъ и часто высказывалъ это, особенно въ бесѣдѣ съ коммунистами, ибо былъ человѣкъ вѣяливыи и не хотѣлъ обижать высказываніемъ подобныхъ мнѣній какихъ-нибудь старыхъ или просто стараго закала людей. Но почему то, послѣ подобныхъ бесѣдъ чувствовалъ Степанъ Андреевичъ какую-то злобу и даже физическую тошноту. Богъ знаетъ, не завалюсь ли у него на днѣ души какое-нибудь крохотное убѣжденіе, маленькій червячокъ, не околѣвшій въ свое время отъ сорнаго пшена. Хотѣлось

иногда пойти на площадь и заорать: «Вы думаете, я ваш. Къ чорту. Ничего подобнаго». И даже намѣчено было мѣсто для крика: возлѣ обелиска — лицомъ къ бывшей гауптвахтѣ. После крика кончилось бы благополучіе. Крикъ откладывался: боť завтра закричу.

Однажды даже рѣшился, такъ сказать, прорепетировать крикъ и заявилъ редактору:

— Вы знаете, рисоваль я это со скрежетомъ зубовнымъ.

— Мы вамъ, — отвѣтилъ тотъ, — не за скрежетъ платимъ, а за рисунки. А рисунки ваши подходящіе».

Во всей повѣсти авторъ не щадитъ своего героя, это выброшенный изъ жизни человекъ, въ душѣ котораго еще теплится какая то правда, но бороться за нее онъ безсиленъ. Онъ давно уже на все махнулъ рукой, плыветъ по теченію, довольствуясь призрачнымъ счастьемъ отъ получаемыхъ имъ гонимыхъ и случайныхъ романовъ.

Жители Полтавщины, къ которымъ попадаетъ нашъ художникъ, авторомъ раздѣлены на три части. Прежде всего онъ описываетъ остатки стараго дворянства и интеллигенціи, разбитыхъ и изуродованныхъ, обреченныхъ на вымирание. Благородный, культурный, но совершенно искалѣченный Бороновскій, навѣрно бывший помѣщикъ, теперь совершенно разоренъ и неизлѣчимо боленъ. «Это у него послѣ пытокъ», объяснила заѣзжему москвичу Графиня Шилова, живущая въ каморкѣ, окруженная кошками и непризнающая происшедшихъ переменъ, молодая, но глубоко искалѣченная двоюродная сестра Кошелева, Вѣра, ходящая постоянно въ церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидящая не только коммунистовъ, но и всѣхъ окружающихъ. И наконецъ другіе представители стараго общества или охамѣвшіе и опростившіеся, или же влачащіе жалкое существованіе, какіхъ то никому ненужныхъ тѣней. Иное положеніе у евреевъ. Они разбогатѣли, они видимо всѣмъ довольны. Но за этимъ вѣшнимъ благополучіемъ авторъ нащупываетъ признаки глубокаго внутренняго разложенія. Страшный звѣриный развратъ охватываетъ еврейскую подростящую молодежь. О крестьянахъ авторъ говоритъ гораздо меньше, въ Полтавщинѣ видно далеко еще не все спокойно. Таинственная, свободная степь все еще родитъ какія то смутныя надежды. Съ благоговѣніемъ возница показываетъ Ко-

шелеву грушу, на которой батька Махно вѣшалъ комиссаровъ. Живутъ въ народѣ мечты о бандитахъ, этихъ украинскихъ крестьянскихъ герояхъ, и разбойники, ночью напавшіе на мельницу богача Розенмана, окружаются населеніемъ на другое утро таинственными легендами. На поверхности все спокойно, но гдѣ-то въ глубинѣ народной гуши живутъ какія-то стихійныя и неясныя надежды и мечты. И кажется, что среди этой будничной и исковерканной жизни, для современнаго совѣтскаго писателя должны обязательно выдѣляться лишь героическіе облики идейныхъ марксистовъ, смѣлой рукой ведущихъ нашу Родину къ «свѣтлому будущему». Но о нихъ авторъ однако молчитъ, зато выводитъ онъ и другого, совѣмъ неожиданнаго, подлиннаго героя своей повѣсти, который вызываетъ къ себѣ невольное глубокое уваженіе и любовь. И этимъ героемъ оказывается мѣстный священникъ, молодой о. Владимиръ. Да, онъ дѣйствительно новый положительный типъ для русской литературы, и, что гораздо важнѣе для русской дѣйствительности, новый не только для совѣтской жизни, но и для Россіи вообще, и онъ такъ интересенъ, что я приведу цѣликомъ страницы, посвященныя ему авторомъ:

«Народъ не расходился изъ храма: отецъ Владимиръ готовился говорить проповѣдь. Степанъ Андреевичъ изъ приличія тоже остался, хотя не могъ понять ничего, ибо отецъ Владимиръ говорилъ по-украински и очень быстро. Но Степана Андреевича заинтересовало не то, что онъ говорилъ, а какъ онъ говорилъ. Это не была умиленная проповѣдь, слегка въ носъ. Слушая которую, старушки съ первыхъ же словъ начинаютъ плакать навзрыдъ. Это была рѣзкая, съ напоромъ, митинговая рѣчь, увѣренная и строгая, гдѣ о Богѣ говорилось такъ, словно это какое-то совершенно реальное лицо, замѣшканшееся въ алтарь, на которое каждую минуту можетъ выйти и распорядиться съ каждымъ тутъ же на мѣстѣ по дѣламъ его. Дядьки слушали, разинувъ рты въ выпучивъ глаза, а женщины въ страхъ и трепетъ крестились, прижимая къ себѣ младенцевъ. Заканчивая проповѣдь, священникъ строго погрозилъ пальцемъ всей паствѣ, и вся паства потупилась.

Потомъ, какъ бы смилостивившись, онъ благословилъ всѣхъ и пошелъ въ алтарь».....

— «Замучили насъ обновленцы, — сказалъ отецъ Владимиръ, усаживая гостя возлѣ окна, — дался имъ нашъ владыка... Отслужи да отслужи съ ними совмѣстно... А владыка нашъ крѣпко какъ дубъ... Не гнется... Ну, вотъ и вызываютъ его они на всякія совѣщанія... Но два раза въ недѣлю въ Полтаву, а теперь еще въ Харьковъ. Ну, какъ можно такъ человѣка мучить.

— И вы, я слышалъ, ѣдете...

— И я ѣду на сей только разъ. Голосъ мой, разумѣется слабъ, но владыкѣ одному трудно... Старъ онъ становится, а подобная ѣзда въ переполненныхъ вагонахъ гибельно отражается на его здоровьѣ. Для черезъ два ѣдемъ.

— Что жъ, я вамъ завидую. Вы твердо въ вѣрѣ и за нее стоите. Я бы хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ.

— А вы развѣ не вѣруете.

Степанъ Андреевичъ считалъ невѣжливимъ сказать священнику, что онъ не вѣруетъ въ Бога — все равно, какъ сказать писателю, что не читаетъ книгъ.

— Я, знаете, можетъ быть и вѣрю... но какъ-то иногда... Какая ужъ теперь въ Москвѣ вѣра... Тяжкое время пришло для Церкви, — любезно прибавилъ онъ. Отецъ Владимиръ улыбнулся, и глаза у него вдругъ заблестали.

— Именно теперь-то и вѣра, — сказалъ онъ спокойно. — И вовсе не тяжкое время для церкви, а хорошее время. Отъ похвалъ да отъ поощренія жирѣетъ земная церковь, буржуивой дѣлается и о небесномъ женихѣ своемъ забываетъ.. Что кричи теперь въ храмахъ не крашены, да протекаютъ, это такъ. Ну, конечно, священнослужители въ бѣдственномъ состояніи и многіе голодаютъ и терпятъ гоненія... такъ вѣдь на то они и священнослужители... Они-то ужъ помнить должны, что не о хлѣбѣ единомъ. Разрушается видимость, оболочка и мишура, а пламя — то церковное, когда задуть хотягъ его, тѣмъ ярче пылаетъ. Нѣтъ, милостивый государь, не имѣю удовольствія знать имени и отчества...

— Степанъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, Степанъ Андреевичъ, неправда это, что сейчасъ дурное время для Церкви. Воистину нужное ей подошло страданіе, ибо не въ томъ Церковь, что архіереевъ министры обѣдами угощаютъ и для нихъ концерты въ благородномъ собраніи устраиваютъ... Не

въ томъ ея сила, и благополучіе вѣщее — лютейшій ея врагъ, приспѣвшій дьяволъ. Изъ крестныхъ мукъ родилась она и ими живетъ и ими жива будетъ во вѣки.

— Къ сожалѣнію, не все священники такъ разсуждаютъ.

— По слабости, ибо сильна плоть, и, конечно, раньше жилось лучше и за требы платили больше и не подвергали карамъ за вѣру... Такъ не съ этихъ слабыхъ примѣръ брать.

— А все-таки русскій народъ по существу не религіозенъ, — сказала С. А. — «Безбожника» у насъ все мужики читаютъ.

О. В. отвѣтилъ. — Насчетъ «Безбожника» недавно смѣшно тутъ у насъ одинъ дядько съ членомъ исполкома поспорилъ, «Ты же говоришь, нѣтъ Бога, а якъ же вѣтъ тутъ намалеванъ». «Такъ вѣдь это, — тотъ отвѣчаетъ, — насмѣшка». «Такъ это надо мной смѣются». «Не надъ тобой, а надъ Богомъ». А тотъ махнулъ рукой и говоритъ: «Плевавъ Господь на твою дулю».

И этотъ священникъ не только силенъ въ своихъ разсужденіяхъ, авторъ ставитъ его въ мучительно трудное положеніе, изъ котораго онъ выходитъ полнымъ побѣдителемъ. Его жена влюбляется въ заѣзжаго художника москвича и разсказываетъ объ этомъ своему мужу. О. Владимиръ приглашаетъ къ себѣ Котенева, и вотъ та бесѣда, которая неожиданно оканчивается начавшуюся семейную драму.

«Степанъ Андреевичъ сѣлъ въ кресло. Замеръ, только смутно предполагая, о чемъ будетъ рѣчь.

— Я, знаете, — произнесъ отецъ Владимиръ, — человѣкъ простой и безхитростный. Я прямо подойду... Пелагея мнѣ... все объявила...

Онъ отвернулся, чтобы не видѣть смущенія гостя.

— Я... простите... я опять такъ сразу. Вы человѣкъ образованный, стало быть, честный... Вы мнѣ прямо скажите... Коли любите ее, я...

Онъ помолчалъ.

— Она васъ словно бы и любить... Да, такъ вотъ. Коли вы ее любите, берите ее съ собою въ Москву... Она молодой дѣвочкѣ, весенней, ей не слѣдъ въ Баклажанахъ всеня хоронить... да и я ей малая утѣха... сами знаете, либо Богу служить, либо женѣ... ну, ужъ я Богу служу... И санъ мой меня къ тому обязываетъ...

Я смотрю широко... Смияться надо мною тутъ будутъ, такъ вѣдь это мнѣ не помѣха чтобы ее счастье сдѣлать... и гаше... простите, не упомяну имени вашего и отчества.

— Степанъ Андреевичъ.

— Степанъ Андреевичъ... Я уже ошибку сдѣлалъ тогда, по молодости дѣтъ, та вей женясь, и Богъ нашего брака не благословилъ. Дѣтишекъ намъ не дасть... Будь, конечно, дѣтки, я бы васъ просто, какъ благороднаго человѣка, просилъ уѣхать отсюда, покоя ея не смущать... А теперь, ... хоть и связаны мы передъ оларемъ... ну, да я ея грѣхъ замолю... Да... вотъ-съ... А она — то васъ какъ бы очень любить, и любовь-то эта ее больше всего и страшить... Я сказалъ ей: дуручка, чего трепещешь... Коли онъ тебя любить, а человекъ онъ образованный, стало быть честный, ну, поѣдешь съ нимъ въ Москву... тамъ кипучую жизнь познаешь... А мнѣ въ Бахлажанахъ самая лучшая жизнь... Тине здѣсь... Голосъ-то Божій тутъ слышнѣе... Я и говорю...

Онъ снова повторилъ все сказанное, очевидно, стараясь оттянуть отъ гостя тягостную минуту отвѣта... Но, наконецъ, онъ сказалъ все: пришлось умолкнуть.

— Батюшка, — проговорилъ Степанъ Андреевичъ, быстро вставая, — простите меня. Я вѣжливый негодий передъ вами... Я уѣду на-дняхъ въ Москву... Это все результируетъ моею московскою расушенности... Простите, онъ быстро вышелъ изъ дома, и видъ его не остановилъ. Эти необычайныя слова, которыя такъ легко могутъ казаться соблазнительными, можно понимать и толковать различно. Не буду останавливаться надъ этимъ, но хочу подчеркнуть одно, то дѣйствіе,

которое они мгновенно оказали на художника, давно потерявшаго совѣсть.

Видно, этому молодому пастырю принадлежать подлинная власть надъ душами людей.

Котеневъ исполнилъ свое обѣщаніе: онъ покинулъ даже Бахлажаны и мы видимъ его снова въ Москвѣ, въ ему привычной обстановкѣ. Онъ рисуетъ опять для совѣтскихъ газетъ и получаетъ столь цѣнный для С.С.С.Р. гонораръ. Авторъ еще разъ даетъ обликъ своего героя, характеризуя его слѣдующими словами: «подопыта его очередь, онъ принялъ отъ кассира 30 бѣлыхъ бумажекъ — новенькихъ съ хрустомъ. То былъ мигъ счастья».

Заяицкій кончаетъ свою повѣсть слѣдующими размышленіями.

«И что же. Подобно Гоголю воскликнуть: скучно жить на этомъ свѣтѣ, господна».

Отнюдь. Ибо на ряду съ Бахлажанами существуютъ: Волховстрой, Нью-Йоркъ, Донбасъ, Кантонъ.

Бахлажаны — крупинка.

Котеневъ — одна миллионная человечества.

Сложно жить на этомъ свѣтѣ, гражданинъ».

Не знаю, искренно ли написалъ онъ это слова. Объ искренности не привято спрашивать въ Совѣтской Россіи. Трудно сказать также, что больше любить Заяицкій, Волховстрой или Кантонъ, Нью-Йоркъ или Донбасъ или же крупинку Россіи — Бахлажаны. Одно лишь ясно, что Котенева онъ глубоко презираетъ, а о Владимировѣ онъ восхищенъ. Мы же должны ему принести нашу глубокую благодарность за то, что онъ показалъ намъ одбого изъ тѣхъ новыхъ героевъ Россіи, которые спасутъ нашу великую страну.

Парижъ. Н. Зерневъ.

Сіонскіе протоколы.

Вещьло раздѣляя отрицательное отношеніе къ масонству и исповѣдуя, что пребываніе въ Церкви несовмѣстимо съ принадлежностью къ нему, Редакція думаетъ, что подлинная борьба съ масонствомъ заключается прежде всего, въ усиленіи и углубленіи нашего церковнаго сознанія. Редакція съ особой готовностью помѣщаетъ статью о. Іоанна (Шаховскаго), намѣняющую явную постановку вопроса о борьбѣ съ масонствомъ и указывающую одишъ изъ путей къ дѣйствительной побѣдѣ надъ нимъ.

ДІАЛОГЪ ДВУХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ.

1-ый Правосл. — Скажите, пожалуйста, вѣрите ли вы въ «Сіонскіе Протоколы».

2-ой Правосл. — То-есть какъ, вѣрю ли я въ нихъ?... Я вѣрю въ св. Евангеліе;

двумъ господамъ не служу. Въ «Сіонскіе Протоколы», признаться, не вѣрю.

1 Правосл. — Вы отвѣчаете не по существу, я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы въ